

Е. В. Максютенко

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ ЛОРЕНСА СТЕРНА
В КОММЕНТАРИЯХ БИОГРАФОВ**

У статті висвітлено обставини поїздок Стерна до Франції, які стали фоном та темою VII тому «Трістрама Шенді» та «Сентиментальної подорожі». Розглянуто проблему близькості персонажів-оповідачів, Трістрама та Йорика, автору, можливість виявити у життєвих реаліях Стерна протосюжет його літературних текстів. Представлено полярні погляди дослідників на поетику автобіографічних мотивів у прозі Стерна та примирюючий, серединний підхід Т. Кеймера, який схильний бачити у «Трістріамі Шенді» та «Сентиментальній подорожі» особливий тип автобіографізму, пов'язаний із створенням біографічного міфу про себе, що випереджає жанр романтичної автобіографії.

Ключові слова: літературна маска, автобіографічні мотиви, біографічний міф, романтична автобіографія.

В статье освещаются обстоятельства поездок Стерна во Францию, ставших фоном и темой VII тома «Тристрама Шенди» и «Сентиментального путешествия». Рассматривается проблема близости персонажей-рассказчиков, Тристрама и Йорика, автору, возможность выявить в жизненных реалиях Стерна протосюжет его литературных текстов. Представлены полярные взгляды исследователей на поэтику автобиографических мотивов в прозе Стерна и примиряющий их, срединный подход Т. Кеймера, который склонен видеть в «Тристраме Шенди» и «Сентиментальном путешествии» особый тип автобиографизма, связанный с созданием биографического мифа о себе и во многом предвосхищающий жанр романтической автобиографии.

Ключевые слова: литературная маска, автобиографические мотивы, биографический миф, романтическая автобиография.

The circumstances of Sterne's tours to France that became the background and theme of the seventh volume of «Tristram Shandy» and «A Sentimental Journey» are highlighted. The problem of closeness of heroes-narrators, Tristram and Yorick, to the author is under view as well as the possibility to see in Sterne's life the pre-story of his literary texts. While Tristram is provided by the author with the wish to be the writer and is forced to share with him the difficulties of struggle with illness and death, Yorick obtains the well-known facts of Sterne's life events, his existence among the diverting and famous contemporaries. The opposite points of view of the investigators as to the poetics of autobiographical motives in Sterne's prose are presented. It is stated that the new tendency of the last decade proposes wider interpretations of autobiographism regarding to Sterne's works. It is seen by the critics not as mere facts of writer's life. They underline that Sterne's «life plots» are autobiographical not literally but rather in artistic sense. Sterne's novels gave him an opportunity for elaborate games with identity in life itself. Tristram became an alter ego that Sterne performed in London society and also adopted another role from «Tristram Shandy», that of the sentimental Parson Yorick, to which Sterne then gave a further twist by a mutated version of the Yorick role in «A Sentimental Journey». According to Th. Keymer in «Tristram Shandy» and «A Sentimental Journey» the autobiographism is the condition for reworking the authorial individual experience and reserves its meaning for the problem of self-definition of the author and the hero that anticipates the genre of Romantic autobiography.

Key words: fictional mask, autobiographical motives, biographical myth, Romantic autobiography.

Биографы Стерна напоминают, что писатель подолгу бывал во Франции¹, начиная с 1762 г. Стерна привлекал мягкий климат юга страны и возможность восстановить силы. К сожалению, мучительная болезнь, туберкулез легких, не отступала. Однако присутствовали в его жизни и эпизоды относительного покоя, и тогда возникала робкая надежда на выздоровление. По свидетельству современников, Стерн совершал путешествие во Францию дважды. Первая поездка писателя была сопряжена с определенными трудностями. Шла Семилетняя война, и 4 января Георг III объявил о начале военных действий против Испании. Присоединившись к дипломатической миссии Дж. Питта, направлявшегося в качестве посла в Турин, Стерн сумел попасть во Францию, к этому времени закрывшей свои границы для англичан. Пребывание Стерна во Франции не было кратковременным. Лишь спустя два года он вернется в Англию. В 1760-е гг. Стерн – уже не столько провинциальный священник из Йорка, зависимый от влиятельных родственников и покровителей, церковника и политика Жака Стерна и своего университетского друга Дж. Холла-Стивенсона, но известный писатель, чье имя на слуху у читателей и критиков. Вышедшие из печати шесть из девяти томов «Тристрама Шенди» встречены публикой благожелательно. Слава Стерна растет, его воспринимают как alter ego его героя, эксцентричного чудака, открывшего для себя мироощущение «шендеизма», помогающего, по его словам, «колесу жизни вертеться дольше и радостнее» [3, с. 290]. Изданы уже и два тома проповедей, авторство приписано одному из литературных персонажей Стерна, пастору Йоррику². Он выступит в роли героя в «Тристраме Шенди» и «Сентиментальном путешествии», однако не все исследователи уверены, что это одно и то же лицо. К этому времени сложился и круг общения писателя в Лондоне. Он часто видится с Дэвидом Гарриком, встречается с Уильямом Хогартом, Джошуа Рейнольдсом, издателем и поэтом Робертом Додсли, поддерживает отношения с епископом Уильямом Уорбертоном. Стерн знаменит, и это обстоятельство определяет тот образ жизни, который он будет вести в Париже. О нем с интересом пишут в газетах, журналах, и одно из изданий по нелепой случайности огорчит читателей, к счастью, не подтвердившейся вестью о его кончине.

«Тристрам Шенди» еще не переведен на французский язык, однако образованные парижане, к удивлению Стерна, наслышаны о книге, восхищаются романом и желают поближе узнать его автора. Об этом Стерн напишет своему другу Гаррику: «... Тристрам был здесь почти столь же известен, как и в Лондоне... и он открыл мне доступ во множество домов» [4, с. 164]. Стерн – желанный гость во многих парижских салонах, бывает с визитами у влиятельных вельмож, министра иностранных дел герцога де Шуазеля, заместителя генерального прокурора Ле-Пеллетье, графа де Бисси, мецената Титона. Когда возникнет затруднение для Стерна, связанное с невозможностью передвижения по стране из-за войны, герцог де Шуазель и граф де Лимбург, с которыми он общался накоротке, составят ему протекцию, а в роли поручителя Стерна выступит барон Гольбах.

Поездка во Францию – тема VII тома «Тристрама Шенди» и «Сентиментального путешествия». Подобно Стерну, Тристрам и Йоррик отправляются на континент, автобиографические схождения фактов, реалий пребывания Стерна и его героев во Франции ощутимы, и специалисты с особой увлеченностью находят этому подтверждение. Действительно, маршруты, по которым движутся Тристрам, Йо-

¹ См. работы П. Фитцджеральда, У. Кросса, А. Кэша, А. Кэмпбелл Росса, К. Атаровой и др. [1; 7; 8; 13].

² Стерн настолько сроднится с масками своих литературных героев, что будет часто прибегать к их именам. В письмах к друзьям Стерн подписывается либо Тристрамом, либо Йорриком. В 1760 г. он издаст собрание проповедей, которое припишет пастору Йоррику. Йоррик также выступит в роли автора «Дневника для Элизы». Критики называли Стерна то «шутником Йорриком», то «кавалером Шенди».

рик, Стерн, ідентичні. Автор і його герої поначалу переодолевають неблизьке відстання від Кале до Парижа, а потім відправляються із столиці в південні провінції Франції. Знаходять, що ряд забавних подорожніх пригод: перешкоди в отриманні паспорта, знайомство з Д. Юмом, переросле в дружбу, зустріч і наступне тепле спілкування Стерна з Гольбахом, Дидро, Кребийоном, – знайдуть відгук в книзі Йорика про Францію.

Личність Стерна, повороти його долі в кожному з героїв-розповідачів творів, належних письменнику, відмінні. Тристраму судило пройти в житті складні випробування, він страждає важким недугом, який, на жаль, переслідував довгі роки і Стерна. Тристрама мучить «проклятий кашель», він слабкий, втрачає сили, відчуває, що «дні... вже рахуються» і в майбутньому він може звертатися тільки до своєї фантазії. Його не покидають думки про смерть, але йому вистачає мужності шукати і протидіяти їй. Можливо, тому Тристрам виступає носієм іронічного стоїцизму, здатного знайти шляхи подолання життєвих нещастій: «...що стосується розпорядження душі, то я дуже мало можу на неї пожалуватися...; вельми це дозволило мені весело пройти життєвий шлях і пронести на спині всі тяготи життя...; в час небезпеки воно златило горизонт моїм променем надії, і навіть коли Смерть постукала в мої двері, – воно велело їй прийти в другий раз, сказавши це таким веселим, таким безпечно-байдужим тоном, що ти взяв сумніви, чи вона потрапила» [3, с. 398]. Тристрам, йдучи за Стерном, також відправляється в країну, де лікувальний повітря, надлишок сонячних днів зменшують хворобу, принесуть Тристраму і творцю його образу відчутне фізичне полегшення, повернуть йому світле душевне стан, інтерес до життя і творчості.

Проблема автобіографічних мотивів в творах Стерна, пошук в рисах Тристрама і Йорика риси характеру письменника турбує критиків. Вони поділяють думку Вирджинії Вулф про те, що саме довірлива інтонація автора надає його текстам особливу теплоту і ліричність. Письмениця впевнена, що «...мало або майже нічого не залишилося б від «Сентиментального подорожнього», якщо прибрати звідти все, що ми називаємо самим Стерном...» [2, с. 106].

Інтерес до можливих автобіографічних включень в VII книгу «Тристрама Шенді» і «Сентиментальному подорожньому» є одним з мотивів порівняння їх дослідниками. При цьому фахівці порівнюють мемуари Тристрама про перебування в Франції як текст записок Йорика. Заметки Тристрама і Йорика про поїздку до Франції багато об'єднує. Герої з цікавістю спостерігають звичаї, звичаї іншої країни, їх приваблює зміна яскравих подорожніх вражень. В той же час автор створює особливу інтригу читання тематично близьких, але все ж різних текстів. Стерн змушує читачів розмішляти над тим, наскільки зближуються між собою спогади Йорика і Тристрама про Францію, і чи можливо, щоб пастору Йорику з «Тристрама Шенді» в один час перетворитися в головного героя «Сентиментального подорожнього», незважаючи на порушення часової достовірності подій³. Не проходить непоміченим і рішення Стерна завершити «Тристрама Шенді» фразою, належної пастору Йорику. Для цього він «вскришує» в IX книзі персонажа, якого видалив з «важкої причини» з оповідання ще в першому томі, і дає йому можливість вклонливо і сміливо відповісти на питання, яке, як завжди, невдало задає матишка Тристрама, мисис Шенді, часто з трудом уловлююча нитку розмови. «...А що це за історія... розповідають?» – запитує вона. В відповідь Йорик сміливо обронить слова про те, що це – «казка про білого бичка», «одна з луч-

³ В 1995 г. Дж. Чокер в статті «The Death of Sterne's Yorick» знаходить в «Тристрамі» косвенну підказку віку Йорика. Згідно його підрахунків, в 1748 г. пастору Йорику виповнилося 86 років, і це є доказом того, що герой «Сентиментального подорожнього», якого приходиться на початок 1760-х гг., – самостійний персонаж [6].

ших в своем роде», а именно веселая бессмыслица [3, с. 540]. Стерн также доверит Йорику открыть «Сентиментальное путешествие» неожиданным утверждением, которое читателю не так легко разгадать: « – Во Франции ... это устроено лучше. – А вы бывали во Франции? – спросил мой собеседник, быстро повернувшись ко мне с самым учтивым победоносным видом...»⁴ [3, с. 543].

История Йорика в качестве литературного персонажа Стерна не дает покая критикам. Они пытаются разобраться в тех версиях образа, которые оставил Стерн читателям. Напомним, что Йорик становится героем нескольких текстов Стерна. Впервые он появится в «Тристраме Шенди» (1759/1760). В «Сентиментальном путешествии» (1768) его тезка либо прежний Йорик, но при иных обстоятельствах, выступит в роли повествователя, а также издаст два тома проповедей (1760) и дневник, адресованный Элизе Дрейпер (1767). Учитывая склонность Стерна к игре с читателем, находят, что, скорее всего, он пользуется персонажем как литературной маской, легко перемещая его из текста в текст. Исследователи, заинтересовавшиеся судьбой Йорика, высчитывают его возраст, отмечают отличия в характерах Йориков, предполагают, что Йорику из «Сентиментального путешествия» около сорока лет. Он – горожанин, и в отличие от немощного, больного чахоткой приходского священника, Йорика-путешественника, склонного к любовным увлечениям, не посещают мысли о смерти [9, р. 13–14].

Тристрам, Йорик и Стерн попадают во Францию в разное время⁵. И также разнится опыт посещения страны героями, хотя ряд событий, происшествий, встреч – не только реалии опыта писателя, но и, претерпев изменения, станут литературной основой рассказов Тристрама и Йорика о стране, благосклонно принявшей путешественников. Тристрам приезжает во Францию по завершении лета («было восьмое сентября, рождество святой богородицы, девы Марии...») [3, с. 442]. Причина, вынудившая его покинуть родовое гнездо, сходна с обстоятельствами Стерна, а путь на юг проходит через ряд городов (Дувр, Кале, Булонь, Монтрей, Лион, Авиньон) и во многом соответствует жанровой модели Grand Tour. Тристрам – персонаж, лишенный деловых обязательств, не преследует определенной цели, однако стремится разнообразить свой досуг и скорее соответствует статусу образованного, но праздного героя. Поначалу он ощущает необходимость подчиниться традиции, проявляет интерес к памятникам культуры, достопримечательностям городов («...Лион, самый богатый и цветущий город Франции,

⁴ Стерн начинает «Сентиментальное путешествие» со знаменитой реплики Йорика: « – Во Франции ... это устроено лучше...» («They order ... this matter better in France»). М. Баттестин допускает, что фраза Йорика косвенно таит в себе аллюзию на идеи материализма («this matter»), которыми увлекались Ламетри, Дидро, Гольбах [5, р. 27–28]. Другие же прочитывают зачин «Сентиментального путешествия» иначе. А. Джек, воспользовавшись свидетельством друга Стерна, Дж. Холла-Стивенсона, предполагает, что здесь речь идет о более тривиальной теме, о различии манер произнесения тостов во время застолья у французов и англичан [10, р. 254]. Зыбкость и неопределенность высказывания Йорика подразумевает, быть может, и иные смыслы. Тем более что Стерн умеет с помощью необычного оформления начала и концовки литературных текстов увлечь читателя.

⁵ Из-за болезни и стремления поправить здоровье Стерн принимает решение уехать во Францию в январе 1762 г. Писатель задержится в стране, которой восхищался и любил, на два с половиной года. В 1765 г. его пребывание во Франции будет недолгим. Спустя месяц Стерн отправится в Италию, останется здесь на полгода, вновь вернется во Францию и уже в июне 1766 г. окажется в Англии. Герой Стерна, Тристрам Шенди, приезжает во Францию в сентябре. Он не расскажет читателю о том, сколько длилось его путешествие, невнимательно отнесется к датам и скорее укажет время определенного события: «я сошел с корабля уже в сумерках, а выехал рано утром...», «я попросил ... подать лошадей ровно в четыре утра» [3, с. 402, 410]. Несмотря на то, что визит Йорика во Францию омрачит Семилетняя война, судьба будет к нему благосклонна, и он увидит Францию в весенне-летние месяцы.

наполненный остатками античности...»), намеревается осмотреть архитектурные шедевры («...в первую очередь замечательный механизм башенных часов работы Липпия из Базеля... потом посету Большую библиотеку иезуитов...») [3, с. 432] и наблюдает над нравами французов.

В VII томе Тристраму за сорок. Герой неизлечимо болен. Его размышления о будущем – это надежда и желание отвоевать у болезни время с тем, чтобы начать и завершить пока еще не написанные книги («...ведь мне предстоит написать сорок томов, а также сказать и сделать сорок тысяч вещей, которых... никто на свете за меня не скажет и не сделает...») [3, с. 399]. В этом эпизоде романа не так много событий, отсутствуют аллюзии на реальные происшествия из жизни Стерна и его друзей-интеллектуалов, которыми изобилует текст «Сентиментального путешествия», но автобиографическая тональность все же пронизывает впечатления Тристрама о Франции, она соотнесена с эмоциональными переживаниями человека, в сознании которого исподволь присутствуют мысли о жизни и неумолимо быстро надвигающейся смерти («...в открытом бою мне с ней не справиться, так не лучше ли мне, пока у меня еще есть жалкие остатки сил... искать спасения в бегстве...») [3, с. 399]. Незаметно в воспоминаниях Тристрама о путешествии по Франции тривиально-бытовые подробности обретают символическо-метафорическую подсветку, и тогда дорога, по которой движется Тристрам, вырастает до универсалии пути-жизни. Он желает, чтобы последние минуты пронесли в веселом танце с озорной Нанеттой. Тристрам просит у судьбы возможность еще раз пережить идиллически-светлые мгновения счастья: «Зачем я не могу жить и кончить дни свои таким образом? О праведный податель наших радостей и горестей... почему нельзя здесь расположиться в лоне Довольства – танцевать, петь, творить молитвы и подняться на небеса с этой темноволосой девушкой?» [3, с. 449].

Несмотря на то, что исследователи оценивают записки Тристрама о Франции как своего рода пролог к тексту «Сентиментального путешествия», все же стиль, манера, содержание воспоминаний о поездке на континент Тристрама и Йорика так же разнятся, как и фигуры их авторов. Кратко, поспешно, эскизно ведет свое повествование Тристрам («...почтарь хлопнул бичом – я полетел... и в шесть прыжков очутился в Дувре») [3, с. 399], он отказывается от развернутых описаний увиденных городов, ландшафтов («...в настоящую минуту я знаю о Кале... не больше, чем о Большом Каире...») [3, с. 401–402], внешности случайных встречных («Ah, ma chere fille!...вы вся розовая, как утро (всходило солнце, и комплимент мой оказался тем более уместен)...») [3, с. 405]. Торопливо нанизывает герой на стремительно вьющуюся нить повествования эпизоды-происшествия (утрата путевых заметок в Лионе, случай на постоялом дворе в Авиньоне, ссора с торговкой, осел, преградивший дорогу). Он не может медлить, бежит от болезни, смерти, страданий. В ответ на просьбу попутчиков составить им компанию и передохнуть Тристрам сбивчиво объясняет свою спешку нехваткой времени: «...за мной сумасшедшая погоня, я буду настигнут прежде, чем успею переменить лошадей...» [3, с. 405]. Роковые мысли не отпускают Тристрама, он желает остановить «этого длинноногого бездельника... который несется за ним во весь опор» [3, с. 405]. Быть может, поэтому Тристрам безразличен к внешним впечатлениям, бегло и иронично перечисляет достоинства прежде неизвестных ему мест, городов, через которые пролегает его путь («Все, что вам надо сказать о Фонтенебло... это то, что он расположен милях в сорока от Парижа... Что касается Санса – то вы можете разделаться с ним одной фразой – «Это архиепископская резиденция») [3, с. 426]. Одной из примет улучшения его душевного состояния и возвращения к нему жизнерадостного мироощущения оказывается внимание к случайно замеченным хорошеньким женским лицам, что радует Тристрама, преображает его и возвращает интерес к жизни («...нет города, который был бы

на карте краше, чем Монтрей... ..в нем есть... ..одна прелесть: дочка содержателя постоянного двора...; она вяжет, шьет, танцует и знает маленькие приемы кокетства в совершенстве...») [3, с. 407–408].

А теперь уже вследствие оригинальности натуры эксцентричного путешественника, английского джентльмена, в чьем характере переплелись свойства философа-ирониста («...так это Париж!.. Первый, красивейший, блистательнейший. – Улицы, однако же, грязные...») [3, с. 414], он не может удержаться от того, чтобы не поведать читателю шутивную историю, анекдот (приключение аббатисы Андуйетской и послушницы Маргариты) и мимоходом посмеяться над вгоняющими в скуку однообразными страницами литературы путешествий («...по-моему, очень худо – что человек не может спокойно проехать через город, не потревожив его... но ему... надо оглядываться через плечо и доставать перо у каждой канавы...») [3, с. 401]. Критики справедливо указывают, что образ Тристрама не совпадает с авторским, а его сознание не замещает сознание Стерна, однако возможно, что в «Жизни и мнениях...» ощутима ненавязчивая установка на мистификацию читателя, когда историю, рассказываемую героем, пронизывает исповедальная интонация, передающая настроение, эмоции, не чуждые самому автору: «...я сказал, что буду писать по два тома каждый год... в течение сорока лет, если источнику жизни угодно будет даровать мне на такой срок здоровье и хорошее расположение духа» [3, с. 398].

По замыслу Стерна, Тристрам и Йорик выступают в сходной роли авторов воспоминаний. Один из них, Тристрам, пытается написать историю своей жизни, другой, Йорик, оставит читателю мемуары о поездке во Францию. С каждым из персонажей Стерн отчасти поделится событиями собственной биографии, одарит их чертами собственной личности. Литературные критики заинтересованно рассуждают о проблеме близости Тристрама и Йорика автору, о возможности видеть в жизни Стерна протосюжет его литературных текстов. Подмечают, что если Тристрама Стерн наделил желанием быть писателем и заставил разделить с ним трудности противостояния недугу, то Йорику передоверил известную фактографию событий его жизни, существование в среде занимательных и узнаваемых современников. Тристрам увидит Париж, неожиданно иронично подметит в нем противоположные традиционному мнению путешественников свойства («...вид его, я полагаю, лучше, чем запах...», «...какие... узкие здесь улицы... В величайшем городе мира не худо было бы оставить их чуть пошире...») [3, с. 414–415]. Он не задержится в столице, а Йорик останется в Париже почти на месяц.

В отличие от Тристрама, который поначалу избегает разговоров с попутчиками, погружен в свои мысли, строит текст записок в соответствии с требованиями жанра, рассказывает об увиденном, Йорик равнодушен к достопримечательностям, едва ли описывает внешние впечатления («...я не видел ни Пале-Рояля – ни Люксембурга – ни фасада Лувра – и не пытался удлинить списков картин, статуй и церквей, которыми мы располагаем...») [3, с. 615], но жаждет общения и, по словам исследователей, скорее предстает как конзер эмоций, он погружен в свои переживания и захвачен ими («...я смотрю на каждую красавицу, как на храм, и я вошел бы в него и стал бы любоваться развешанными в нем оригинальными рисунками... охотнее, чем даже «Преображением» Рафаэля») [3, с. 615]. Йорик не рассказывает о прошлом, предпочитает жить настоящим. Он не сообщает читателю о своем возрасте, семье, обстоятельствах жизни, описывает себя как «чувствительного» путешественника, джентльмена, склонного к философствованию, однако «мало обремененного деньгами и благоразумием», признается в любовных увлечениях, рассказывает, что играет на виолончели, с теплотой вспоминает свою паству, друзей, не расстается с портретом Элизы [3, с. 579, 591, 618]. Упомянутые Йориком герои часто оказываются реальными людьми, которых знал Стерн, встречался с ними и многих сделал персонажами «Сентименталь-

ного путешествия». Это мсье Дессен, хозяин гостиницы в Кале, участливый и благожелательный слуга Ла Флер, сопровождавший Стерна в поездке, маршал де Бирон и аббат Морелле, один из авторов «Энциклопедии». Они органично сосуществуют и с литературными персонажами, несчастной Марией, утратившей рассудок из-за вероломного возлюбленного, Вальтером и Тоби Шенди, Тристрамом. У Йорика не только хороший слог, но и талант живописца, впрочем, как и у Стерна. Поэтому он не преминет порадовать читателя портретами лиц тех, кого встретит в пути. Так, Йорик сохранит в памяти встречу с кротким францисканским монахом, запомнится ему благородной лепки голова брата Лоренцо, «...какие часто можно увидеть на картинах Гвидо... бледная – проникновенная...» [3, с. 545]. Произведет на него впечатление и мадам де Л***, «женщина лет двадцати шести», лицо которой, «чистое, прозрачно-смуглое», «не было безупречно красиво... оно было интересно...» [3, с. 556]. Йорик отметит бледность и печаль Марии, сидевшей, «опершись локтем о колено и положив на ладонь склоненную набок голову... волосы ее... падали свободно... через плечо... была перекинута бледно-зеленая лента... на конце ее висела свирель...» [3, с. 642].

Биографы Стерна и литературные критики прочитывают тексты писателя исходя из различных задач и целей. Если для первых важным оказывается внимание к судьбе и обстоятельствам жизни Стерна как фактологическому ресурсу его произведений, то для литературоведов приоритетом является художественный строй его прозы, где субъективно-личностное начало и автобиографические мотивы становятся, по мнению исследователей, формообразующими.

Среди текстов, составляющих литературное наследие Стерна, специалисты выделяют те произведения, которые с большей степенью могут претендовать на чистоту биографического канона. Это история его жизни, изложенная в «Воспоминаниях Лоренса Стерна», адресованных дочери (1758, 1767), и фрагмент «Дневника для Элизы»⁶, который чудом сохранился. Однако едва ли и историки литературы, и биографы относятся к книгам Стерна как к выверенному и объективному повествованию о себе, которое, прежде всего, целостно воссоздает личность автора.

Поэтика автобиографических мотивов в «Тристраме Шенди» и «Сентиментальном путешествии» в среде специалистов оценивается неоднозначно, иногда полярно. Мелвин Нью и Джеффри Дэй принадлежат тем исследователям, которые не замечают биографической основы произведений писателя и выступают против традиции, утвердившейся благодаря У. Кроссу, начиная с XIX ст., и существующей по сей день [12, р. x]. Ее сторонники не столько допускают, но и убеждены в важности автобиографического контекста для прозы Стерна. В последнее десятилетие заявляет о себе и другая тенденция в обращении к творчеству Стерна, когда исследователи само понятие автобиографизма толкуют более широко, а не сводят его лишь к фактам судьбы писателя, и полагают, что «жизненные сюжеты» романов Стерна автобиографичны не столько в прямом смысле, сколько в художественно-творческом. Так, по мнению Т. Кеймера, в «Тристраме Шенди» и «Сентиментальном путешествии» автобиографизм является условием литературного пересоздания индивидуального опыта и сохраняет свое значение для проблемы личностной самоидентификации автора и героя [11, р. 182]. Т. Кеймер предлагает новое понимание автобиографизма применительно к прозе Стерна как биографического мифа, создаваемого самим писателем и нацеленного

⁶ Ж. Вивье не расценивает «Дневник для Элизы», над которым Стерн работал одновременно с «Сентиментальным путешествием», как сугубо документальный текст. Он прав, когда видит в нем сплав воображения и жизнеописания [16, р. 79]. Но если «Сентиментальное путешествие» – произведение светлое, полное любви к персонажам, окружающим автора, то «Дневник для Элизы» – это скорее исповедь человека, измученного болезнью, который прощается с теми, кто ему дорог.

на театральну-ігрову форму позиціонування себе через сюжетну модель створених їм творів. В цьому Т. Кеймер бачить знак повороту до естетики романтизму і оцінює твори Стерна як передвісник жанру романтичної автобіографії (Колридж, Вордсворт, Де Квінсі) [11, с. 184–190].

Библиографические ссылки

1. *Атарова К.* Лоренс Стерн. Жизнь и творчество / К. Атарова. – М. : Б.С.Г.-Пресс, 2014. – 416 с.
2. *Вулф В.* «Сентиментальное путешествие» / В. Вулф; пер. с англ. К. Атаровой // Атарова К. Англия, моя Англия. Эссе и переводы / Ксения Атарова. – М. : ОАО Издательство «Радуга», 2006. – С. 104–111.
3. *Стерн Л.* Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена : [роман]. Сентиментальное путешествие : [роман] / Лоренс Стерн ; пер. с англ. А. Франковского. – М. : Художественная литература, 1968. – 686 с.
4. *Стерн Л.* Сентиментальное путешествие : [роман]. Воспоминания. Письма. Дневник для Элизы / Лоренс Стерн ; пер. с англ. А. Франковского. – СПб. ; М. : Российская государственная библиотека, Летний сад, Наталис, 2000. – 319 с.
5. *Battestin M.* Sterne among the Philosophes: Body and Soul in «A Sentimental Journey» / M. Battestin // Eighteenth-Century Fiction. – 1994. – Vol. 7. – Issue 1. – P. 17–36.
6. *Chalker J.* The Death of Sterne 's Yorick / J. Chalker // Notes and Queries. – 1995. – 240-4. – P. 461–462.
7. *Cross W.* The Life and Times of Laurence Sterne / Wilbur Cross. – N.Y. : The Mason-Henry Press, 1909. – 556 p.
8. *Fitzgerald P.* The Life of Laurence Sterne / P. Fitzgerald. – L. : Chatto and Windus, 1906. – 431 p.
9. *Ishii Sh.* Yorick's Identity in «A Sentimental Journey» / Sh. Ishii // Kinki University Department of Language Education bulletin. – 2007. – № 7(2). – P. 1–15.
10. *Jack I.* Introduction to «A Sentimental Journey» / Ian Jack // Sterne L. A Sentimental Journey : [A Novel]. The Journal to Eliza. A Political Romance / Laurence Sterne. – Oxford, N. Y. : Oxford UP, 1984. – P. ix–xx.
11. *Keymer Th.* Sterne and Romantic Autobiography / Thomas Keymer // The Cambridge Companion to English Literature from 1740 to 1830 / [ed. by Th. Keymer, J. Mee]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – P. 173–193.
12. *New M.* Introduction / M. New, G. Day // Sterne L. A Sentimental Journey. Continuation of the Bramine's Journal with Related Texts / [ed. by M. New, G. Day]. – Indianapolis : Hackett Publishing Company, 2006. – P. vii – xviii.
13. *Ross I. C.* Laurence Sterne : A Life / Ian Campbell Ross. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 498 p.
14. *Sterne L.* A Sentimental Journey through France and Italy : [A Novel] / Laurence Sterne // Sterne L. Selected Prose and Letters : in 2 Volumes. – M. : Progress Publishers, 1981. – Vol. 1. – P. 323–490.
15. *Sterne L.* Tristram Shandy : [A Novel] / Laurence Sterne. – Chatham : Wordsworth Editions Limited, 1996. – 457 p.
16. *Viviès J.* English Travel Narratives in the Eighteenth Century / J. Viviès ; transl. by Cl. Davison. – Aldershot: Ashgate, 2002. – 231 p.

Надійшла до редакції 20.04.2014 р.